

ОБРАЗ ЖИЗНИ

СИМОНОВ хотел быть храбрым.

...Но нет ли в коротеньком этом предложении чего-то лишнего? Разве не доказал он еще на Халхин-Голе и стократ во время Великой Отечественной, что был по-настоящему храбрым человеком? Чаще других корреспондентов добирался до передовой, даже в тыл к врагу ходил, и не однажды. Так что дело вовсе не в сомнениях. Сам бы Константин Михайлович любил похвалы здесь отвести: нельзя, неуместно говорить о чьей бы то ни было храбрости на войне, кроме солдатской.

Двухсерийный документальный фильм, посвященный 70-летию Симонова, сценаристов Бориса Панкина и Владлена Трошкина, поставленный Владленом Трошкиным, снова свидетельствовал об особой, писательской деликатности в этом вопросе.

— Я боялся ехать в Сталинград... — вот оно, свидетельство настоящей смелости писателя, поскольку уж заходит об этом речь. Был храбрым — но хотел быть еще храбрее.

ВООБЩЕ разговор о храбрости, о выборе поведения в различных жизненных ситуациях тут необходим. Жизнь Симонова не просто шла так или иначе — она была выбрана, задана, построена на живом человеческом усилии. Обстоятельства могли мешать или помогать этому пути, но были не в состоянии отменить его.

Он видел себя в некоем образе, который можно начать характеризовать как образ настоящего мужчины. Это и окрасило в особый цвет прежде всего его лирику.

Позже К. М. Симонов как-то охладил к своей поэзии, не только перестал уделять ей силы, но и написанное, прославленное вспоминал не слишком охотно. Можно думать, что, выбирая для своего повествования главное, создатели фильма тут несколько, что называется, поверили герою на слово и — все равно

ведь о многом сказать не успеешь — лирикой пожертвовали.

Между тем я еще помню, как при любых тиражах ее не хватало, ее еще переписывали, как влюбленные послевоенных поколений объяснялись стихами Симонова. Рассказывают, что на свой вечер в Политехническом он долго не мог пройти — столько собралось народа. Что бы он потом ни думал, что бы ни утверждала критика, первым лириком современной поэзии он определенное время был. Тут, думается, дело именно в герое.

Настоящий мужчина имеет право на несчастную, неудавшуюся любовь — это ведь случилось и с самыми лучшими... На горечь, на искреннее выражение этого чувства в стихах — но не на слабость, не на опускание рук, не на «нытье». Искренним он бывает безоглядно, однако искренность предполагает силу, мужество и в результате победу, пусть это победа над собой. Искренность его проведет читателя через боль, но взамен потребует стойкости, выдержки. Поэтому лирика Симонова всегда будет нужна многим молодым людям.

ЭТОТ образ, идеал сильного человека придавал его пути цельность. Тот, кто не испытывал горечи измены, неудачи, вряд ли напишет «Жди меня» — надо же знать то, что так страстно отрицаешь, с чем борешься. Такое стихотворение для всех складывалось исподволь тогда, когда, казалось, пишутся стихи для себя. Или еще раньше, в первом же удачном юношеском опыте — стихотворении «Генерал», посвященном погибшему в Испании Матэ Залке:

Не верьте:
ни письма,
ни слухи
О смерти его
неверный
Разве это заклятие ве-

рой не предсказывает «Жди меня»? В тот момент, когда солдатам понадобилось, чтобы нашелся человек, выразивший их сокровенное, тайное, сделал это тот, кто давно хранил это же в себе.

При всей практической, военной помощи его очерков и корреспонденций можно утверждать, что самыми сильными ударами по врагу были все-таки его стихотворные строки — «Если дорог тебе твой дом», «Всем смертям назло» и —

Нас пули с тобою
пока еще милуют.
Но, трижды поверив,
что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был
за самую милую,
За горькую землю,
где я родился.

Поэзия подсказывала ему: обратиться к одному, к каждому — и есть вернейший способ дойти до всех.

Драматургом он тоже был — самым. Самым известным, самым репертуарным, самым блистательным.

И в конце концов выбрал прозу.

Видимо, образ, который он носил в сознании, требовал этого. Настоящий мужчина — это настоящий друг. Замкнутый, внешне холодный Лермонтов раскрывается до самых глубин души, сдержанно стенографируя — почти прозой! — «Завещание» умирающего пехотного офицера и создавая шедевр отечественной поэзии.

Симонов продолжал свою войну, делая героические попытки отвоювать у смерти погибших, забрав в бессмертие чело-

веческой памяти тех, кого он объединил в названии «Живые и мертвые». Он возвращался под Могилев, где еще в начале войны стрелковый полк Кутепова подбил за день 39 чужеземных танков, впервые дав ощутить всем вкус еще далекой, но уже неизбежной победы. Тогда он и задумал вернуться сюда когда-нибудь навечно — догнать отдавших жизни и слиться с ними.

Он создавал фильмы, жадно вслушиваясь в свидетельства войны: что же самое в ней трудное?

— Труд, физический труд, — отвечал один из тех, кто знает все.

— Выйти из окопа. Подняться в атаку.

— Попасть под пулемет.

— Рукопашный бой.

— Жить там. На передовой. Быть в пехоте.

Артисты горды тем, что добирались до передовой в минуты относительного затишья. И они имеют право гордиться. Но все-таки были ведь и те, кто там жили. И об этом забывать тоже не надо.

ОН КАК будто все время меняет скорости и все время — прибавляя. Поэт, драматург, прозаик, редактор, Симонов вообще становится как бы учреждением. Он ведет свой рукопашный с ленью восприятия, с трусостью, с забвением. И с равной силой азарта бросается в битву за прославленного Твардовского и за полузабытого в тот момент Булгакова.

Симонов не испытывал удовлетворенности, благостного довольства собой. Он знал муки совести, но вывод делал все тот же: дальше компромиссов с совестью допускать не следует.

А его основной творческий труд еще должен был претерпеть дальнейшие изменения. Сам он видел себя прежде всего автором романов, но в свет вышли дневники с комментариями — «Раз-

ные дни войны», и стали совсем новым этапом постижения правды, а по отзвучию многих — лучшим, что сделал он в прозе.

В молодости он, должно быть, о славе мечтал, как и все. Но когда она пришла, оказалось, что сама по себе она не так радостна, как в мечтах. Но он и тут нашел ей правильное применение: слава — это авторитет, а его можно и, значит, нужно использовать для дела. Для улучшения жизни и обогащения, развития литературы.

Все-таки кем он был? По сути? Есть одно боковое свидетельство в пользу поэзии. Автор пьес и романов как-то дальше, опосредованной связан сам со своей творческой продукцией. В конце концов более интересные нам книги, чем он.

В поэзии иначе. Стихи лишь средство к постижению личности поэта, где и скрыто главное, настоящее богатство, этическое и эстетическое. Поэт всегда еще и герой какого-то, веками дописываемого свертка. Во всем, что сделал Симонов, интереснее всего — сложное, противоречивое, притягательное — сам Симонов.

Не от мании величия он собирал все письма и документы, свои и чужие в некий свод «Все сделанное», в 59 томов величинной. А потому, что угадывал интерес будущего к свидетелю, участнику, летописцу.

В ФИЛЬМЕ МНОГО сильных кадров. Вот, может быть, один из самых сильных. Читая «Жди меня», он заплунул. Видимо, забыл строчку. Сейчас — и в зале, и в телеаудитории — он, создатель, — единственный, кто ее не помнит.

В этой точке мы вдруг чувствуем, что наш интерес к Симонову находится только в самом начале своего долгого развития. **А. АРОНОВ.**